

В раздевалке бойцовского клуба «Чжэндао» А-Лю сидел неподвижно вот уже полчаса. Пот на теле давно высох, кровь во рту он сглотнул, а расшатанный зуб и заплывшие глаза без слов говорили о его плачевном состоянии. Накинув на плечи потертое полотенце, он даже не снял боксерские перчатки — так и застыл во мраке комнаты.

В Китае он был непримечательным боксером-профессионалом: несколько лет на ринге и ни одного титула. Когда А-Лю решил, что карьере конец, на горизонте появился контрабандист. Тот пообещал, что в Муяме нужен боец: триста долларов за бой, а за победу — в десять раз больше. Соперники — щуплые местячковые муямцы, выиграть у них ничего не стоит. Захватив выцветший тканевый баул, А-Лю отправился за «змеиной головой» в Муяму.

На деле всё оказалось ловушкой. Чтобы выжать из него максимум прибыли, клуб заставлял А-Лю выходить на ринг по пять-шесть раз в день. Муямцы не считали чужаков за людей и дрались насмерть. Когда А-Лю попытался взбунтоваться, его жестоко избили палками и швырнули в клетку «одуматься». Там он насмотрелся на других непокорных: кто-то угасал от боли, когда ему каждый день отрубали по пальцу, кого-то забивали электрошокерами, а кого-то и вовсе отдавали на съедение гиенам...

Хлынувший проливной дождь смыл следы крови, оставив лишь тошнотворный дух гниения и сырости. Тогда А-Лю окончательно понял: он попал в самый настоящий ад. Он отчаянно, до безумия искал способ вернуться на родину.

И вот после последнего боя, когда его, едва живого от побоев, прижали к канатам, кто-то успел сунуть ему в ладонь записку.

На ней иероглифами было выведено: «7 апреля, час ночи. Причалы Третьего района».

А-Лю поднял взгляд на настенные часы в раздевалке. Без десяти час.

Но двое надзирателей за его спиной сидели неподвижно. Клуб приставлял к каждому бойцу по два «смотрящих». В обычное время они покупали необходимый минимум, а в случае побега должны были вернуть беглеца живым или мертвым. Если же боксер сбегал, шкура смотрящих ценилась куда дешевле, чем жизнь самого бойца. Поэтому в надзиратели шли исключительно головорезы, которым нечего было терять.

А-Лю не знал, была ли записка спасением или чужой злой шуткой, но рискнуть стоило. Он поднялся и на ломаном муямском произнес:

— Хочу пройтись у моря.

Надзиратель без лишних слов со всей дури заехал ему кулаком по и без того опухшему глазу:

— На место, тварь!

Удар отбросил А-Лю на металлические шкафчики. Он сполз на пол и замер, притворяясь бессознательным.

Смотрящие переглянулись. Один из них нагнулся проверить, но в тот же миг получил жестокий подсекающий удар по ногам и рухнул навзничь.

А-Лю мгновенно вскочил. Пока второй не успел опомниться, он сбросил перчатку и впечатал голый кулак прямо ему в челюсть. Костяшки без амортизации оказались тверже камня. Мужик отлетел назад, сшибая поднимающегося поделщика.

А-Лю рванул из клуба прочь, словно за ним гнались все демоны преисподней, прямо к причалам Третьего района.

Вслед ему неслись исполненные ярости вопли: мол, если поймают, закатают в бетон и сделают из него колонну в особняке хозяина. Но А-Лю слышал только свист ветра в ушах и бежал из последних сил. Даже если записка окажется ложью, лучше с разбега броситься в море и утонуть, чем дальше гнить в этом аду.

Причалы Третьего района встретили его лабиринтом морских контейнеров. Многоярусные стальные стены громоздились до самого неба, абсолютно одинаковые. А-Лю метался по проходам, пока не уперся в глухой тупик.

Он развернулся, чтобы побежать назад, но дорогу уже преградили двое надзирателей. В холодном свете прожекторов их налитые кровью глаза сверкали в темноте, точно у хищников, загнавших добычу в угол.

А-Лю прижался спиной к рифленому железу, сжал окровавленные кулаки и стиснул зубы. Потный лоб горел. Ну что ж, сдохну, так хотя бы заберу с собой одного из них!

«Пантеры» потеряли терпение и рванулись вперед.

Вдруг ночную тишину разорвали два сухих выстрела.

Оба надзирателя с воплем рухнули на бетон, хватаясь за простреленные голени.

А-Лю вскинул голову. В конце прохода, в луче света стоял мужчина в безупречном костюме. От ствола пистолета в его руке тянулась тонкая струйка дыма.

— Господин Лю, подходите сюда, — произнес он.

На чистом, безукоризненном китайском языке.

Боже, как же давно А-Лю не слышал родной речи!

Едва переставляя ноги, он вышел из тьмы на свет и под руководством незнакомца сел на заднее сиденье черного седана. В салоне приятно прохлаждал кондиционер, кресла казались нереально мягкими. А-Лю схватил бутылку воды и жадно осушил её в пару глотков. Даже если это ловушка, ему уже было всё равно.

Мужчина за рулем умело провел машину через контейнерный лабиринт и выехал к самой кромке воды.

Фары выхватили из тьмы фигуры троих крепких мужчин в таких же строгих костюмах. В центре стояло кресло, повернутое лицом к морю, в котором кто-то сидел.

А-Лю велели выйти. Под пристальными взглядами охраны он пошел на свет фар к креслу. Не доходя пары шагов, он почувствовал, как подкосились колени, и он бухнулся на бетон, взмолившись по законам криминального мира:

— Авторитет! Старшой! Умоляю, отпустите домой! У меня есть деньги, я всё отдам, все накопления, только верните меня на родину!

Мужчина поднялся с кресла. Зацокали по бетону подкованные туфли.

А-Лю уткнулся лбом в землю. В следующее мгновение сильные руки подхватили его под локти и мягко, но уверенно заставили встать.

Подняв глаза, А-Лю опешил.

Перед ним стоял невероятно утонченный, худой и бледный молодой человек — породистый чистокровный китаец. Сидящий идеально по фигуре костюм, волосок к волоску зачесанные назад темные волосы. Чуть нахмуренные брови, холодный, но полный странного сочувствия взгляд... От него веяло такой чистотой и благородством, что трудно было отвести взор.

Лю Чжиян слегка похлопал его по плечу:

— Ты свое отстрадал. Сейчас поднимешься на катер и спрячешься в трюме. Как только выйдете в нейтральные воды, тебя пересадят на судно китайских моряков. Они доставят тебя домой.

А-Лю замер. Губы его задрожали, и лишь спустя долгие секунды он смог вытолкнуть из себя:

— С-спасибо... Спасибо вам, босс... Я... я никогда этого не забуду!

Он разразился бурными, отчаянными слезами.

Лю Чжиян кивнул людям, чтобы те помогли беглецу подняться на борт. Заметив израненное, избитое торсо А-Лю, он без колебаний снял свой пиджак и накинул ему на плечи.

— Вернешься в Китай — живи честно. И больше никогда не возвращайся в эти края.

Мужчина казался худым, но от него веяло такой незыблемой надежностью... На родине А-Лю встречал подобный тип людей — тех, кто без раздумий придет на помощь, где бы ты ни оказался и в какую бы беду ни попал.

А-Лю осенило:

— Спасибо вам... офицер.

Рука Лю Чжияна, поправлявшая воротник пиджака, на мгновение замерла.

— Постарайся просто забыть нас, — тихо произнес он.

А-Лю всё понял без лишних слов и закивал как заведенный.

Рыболовецкая шхуна снялась с якоря и взяла курс в ночную гладь, навстречу серебряной луне.

Лю Чжиян провожал взглядом судно, пока то не превратилось в едва заметную точку на горизонте. Выдохнув, он достал сигарету и прикурил. Морской бриз шевелил пряди волос. На черном, как смоль, берегу горел лишь один малюсенький огонек его сигареты.

— Брат Лю, мы пока уберем тех двоих подглядывающих хвостов — и назад, — доложили четверо сопровождающих.

Лю Чжиян лишь неопределенно взмахнул кистью, и на причале снова воцарилась тишина.

Дождавшись, пока огонёк догорит до самых пальцев, он раздавил окурок о бетон кожаным носком туфли и сел в машину.

В тишине салона резко зазвонил телефон.

Лю Чжиян откинул крышку раскладушки. Взглянув на дисплей, он почувствовал, как его взгляд заметно смягчился.

— Алло.

— Дорогой мой, ты наконец-то изволил взять трубку! Ты где вообще шляешься?! Почему без шестерок ушел?! Я извёлся весь! Ты же знаешь, какая сейчас обстановка напряженная! А если этот псих Чэнь Сун подошлет кого-нибудь тебя кончить...

Слушая беспокойный поток упреков Гань Чуаня, Лю Чжиян устало потер переносицу.

— Эй, дорогой, я тут распинаюсь, а ты хоть слово скажешь?!

— Не знаю, что сказать, — ответил Лю Чжиян.

— Ну хотя бы подай голос, что ты в порядке! Ты молчишь, я уж решил, что тебя и правда сцапали!

Лю Чжиян завел двигатель:

— Меня не так-то просто сцапать.

— Не зарись на это! Как там у вас в Китае говорят? Каркнешь — и сбудется! Накаркаешь на свою голову!

— Ладно, я за рулем.

Гань Чуань тут же воодушевился:

— Тогда дуй прямо на полуостров Цзиньлань! Я тут такую дуру зафрахтовал — огромную яхту!

— По какому поводу праздник?

— А что, без повода уже гульнуть нельзя? Давай шустрее, дорогой. Босс Янь тоже здесь.

Пальцы Лю Чжияна крепче сжали корпус телефона. Спустя паузу он произнес:

— Понял. Скоро буду.

Сбросив вызов, он развернул авто и взял курс на полуостров Цзиньлань.

Гань Чуань крутил строительным бизнесом, под его началом было не меньше десятка объектов,

а денег — куры не клюют. Но даже над ним стоял покровитель — Босс Янь. Такой же этнический китаец, выросший в Муяме. Поднявшись со дна от рядового уличного авторитета, к своим пятидесяти с хвостиком он держал в кулаке гигантов отрасли: строительно-промышленную группу, торговлю самоцветами и лесозаготовки. И это только легальная верхушка айсберга — под ней скрывалась бесконечная сеть подпольных казино, бойцовских клубов и публичных домов. Словом, Босс Янь брался за всё, что приносило куш. В Восточном районе Муямы он был непререкаемым хозяином.

Лю Чжиян гнал машину по ночному шоссе. Светильники один за другим выхватывали из темноты его точеное, абсолютно бесстрастное лицо.

Раньше в Восточном районе не было ни асфальта, ни уличного освещения. Поднявшись, Босс Янь протянул линии электропередач, уложил дороги, выстроил кварталы. Открыл ювелирный рынок, лесопилки, даже туризм поднял.

Местные жители зажили сытнее и боготворили «благодетеля». Что бы тот ни вытворял за гранью человеческой морали, всегда находились те, кто готов был его оправдать.

Босс Янь был самым противоречивым человеком из всех, кого знал Лю Чжиян. Совершал чудовищные преступления — и тут же занимался благотворительностью, спасая тысячи душ.

Огни вокруг становились ярче. Вывернув руль, Лю Чжиян въехал на территорию поместья Босса Яня.

Едва он припарковался, низкорослый филиппинский слуга повел его к причалу в задней части усадьбы. На каждом шагу маячили вооруженные охранники.

У самого берега покачивалась роскошная многопалубная яхта. Она сияла огнями, откуда-то сверху доносились громкая музыка и взрывы хохота.

Лю Чжиян поднялся на борт и сразу увидел Босса Яня в окружении местных молоденьких красоток.

Он подошел и коротко поздоровался.

Старик тепло улыбнулся в ответ, но распрягаться в речах не стал, лишь кивнул секретарю Тай Цзиню, чтобы тот выдал Лю Чжияну особый браслет — дескать, пригодится сегодня ночью.

Лю Чжиян огляделся: Гань Чуаня видно не было, зато на глаза попался его заклятый враг — Чэнь Сун.

В синдикате Чэнь Сун заправлял лесом и пушниной, так что по статусу стоял наравне с Гань Чуанем. А Лю Чжиян был лишь правой рукой Гань Чуаня, следовательно — чином ниже Чэнь

Суна. Чтобы не провоцировать грызню, Лю Чжиян хотел было отвести взгляд, как вдруг зацепился краем глаза за одну деталь.

Направившись к Чэнь Суну, который обнимал девицу и пил виски, Лю Чжиян бесцеремонно схватил девушку и оттащил её от босса.

Чэнь Сун, находившийся в самом разгаре веселья, от такой наглости свирепо задрал подбородок:

— Лю Чжиян, ты совсем страх потерял?!

Чжиян даже не взглянул на него. Он протянул руку к ушку красотки и выудил из раковины крошечный, еле заметно мерцающий алым светом приборчик.

Шум на палубе мгновенно утих. Все взгляды устремились на Лю Чжияна.

Босс Янь прищурился:

— Жучок? Наушник?

Лю Чжиян покрутил прибор в пальцах и ровным голосом ответил:

— Портативный диктофон.

По палубе пронёсся тревожный шепоток. На борту собрались не только боссы синдиката Яня, но и чиновники, а также влиятельные бизнесмены Восточного района. Если записи с этой вечеринки всплывут наружу, головной боли не оберется никто.

Чэнь Сун грубо отпихнул девицу, вскочил и рявкнул:

— Кто тебя подослал, тварь?!

Красотка, понимая, чем ей это грозит, задрожала всем телом и не могла вымолвить ни слова.

Чэнь Сун сделал шаг вперед, нависая:

— Это Гань Чуань всё устроил, да?!

— Директор Чэнь, — повысил голос Лю Чжиян.

Чэнь Сун обернулся к нему с оскалом:

— Яхту зафрахтовал он! Баб притащил тоже он! Какого черта я не могу задать логичный вопрос?!

Лю Чжиян не собирался вступать в перепалку. Он подал знак своим людям увести девуцу, но Чэнь Сун перегородил дорогу:

— Откуда мне знать, не разыгрывает ли Гань Чуань комедию со "спасенным жучком"? Отдайте её мне, я сам её выпотрошу!

Лю Чжиян уже собрался ответить, но его прервал спокойный голос Босса Яня:

— Уведите. Позже я лично ей займусь.

Секретарь Тай Цзинь махнул рукой, и охранники под руки уволокли обмякшую девуцу с верхней палубы.

Этот небольшой инцидент не испортил праздник. Босс Янь снова одарил присутствующих добродушной улыбкой и предложил продолжить веселье. Заиграла музыка, пузатые авторитеты снова обняли своих спутниц, будто ничего и не произошло.

Чэнь Сун размашистым движением цапнул Лю Чжияна за плечо и процедил:

— Хозяина нет, а пёс уже на стол залез?

Лю Чжиян нахмурился, смерив его холодным взглядом.

— Вы пропустили прослушку на борт. Раз хреново исполняете обязанности, может, ты, шестерка, возьмешь вину своего босса на себя? — с этими словами Чэнь Сун медленно расстегнул ремешок тяжелых золотых «Ролексов».

Лю Чжиян сжал челюсти. Он не планировал огрызаться: вина действительно лежала на службе безопасности.

— Ах ты ж сука... Чэнь Сун, ты совсем с катушек съехал, что ли?!

Громкий, густо пересыпанный матными закрутами голос разнесся по палубе.